

История в современных международных процессах: «учительница жизни, свет истины или вестница старины?»

«Иногда говорят: “История – это наука о прошлом”. На мой взгляд, это неправильно», – полагал Марк Блок. Выдающийся исследователь, один из основателей научной школы «Анналов» видел предназначение своей профессии в объяснении «более близкого более далеким» и категорически не принимал уподобление труда историка работе антиквара¹. И действительно, каким бы отдаленным прошлым ни занимался ученый и как бы ни стремился дистанцироваться от симпатий или антипатий по отношению к изучаемым эпохам, он все равно будет отражать представления своего времени об Античности, Средневековье, Новом и новейшем временах. И в этом плане даже археология, самая аполитичная, на первый взгляд, историческая дисциплина не является исключением².

Каждое поколение исследователей вводит в оборот новые источники, переосмысливает прежние историографические подходы, формирует новые концепции и методологические принципы. Более того, актуальные политические процессы (международные, этнополитические, межконфессиональные конфликты, экономические реформы и трансформации режимов) заставляют обращаться к предпосылкам явлений сегодняшнего дня. И здесь не обойтись без поклонения «идолу племени историков», как определил феномен изучения первопричин современных событий Марк Блок. «Мания происхождения»³ неизбежно осовременивает исследования даже тех авторов, кто позиционирует себя как «чистых ученых», несклонных к превращению своего ремесла в «служанку политики». Отсюда и популярные массовые представления о постоянном «переписывании» истории, что, конечно, не тождественно сознательным фальсификациям и искажению событий прошлого и настоящего.

1 Блок, М. Апология истории или ремесло историка. – М.: Наука, 1986. С. 12–15.

2 Шнирельман, В.А. Президенты и археология, или что ищут политики в древности: далекое прошлое и его политическая роль в СССР и в постсоветское время // Ab Imperio. – 2009. – Т.10. – № 1. – С. 279–323.

3 Блок 1986.

Таким образом, коллизии между научной объективностью и политической ангажированностью пронизывают историю. На первый взгляд, легко разделить научную дисциплину от инструментальных государственных практик, мобилизующих события прошлого для реализации своих, далеких от исследовательской беспристрастности целей. Однако многие выдающиеся ученые историки на собственном жизненном и академическом примере опровергли такое разделение. Адольф Тьер и Франсуа Гизо, Томас Маколей и Эдуард Фриман, Павел Милюков и Михаил Покровский, Бенедетто Кроче и Джеймс Биллингтон – все они не только исследовали историю, но и пытались сами ее творить. Именно профессиональные специалисты, представлявшие как «буржуазную»¹, так и советскую марксистскую историографию², определяли свою науку как «политику, опрокинутую в прошлое», а политику называли «историей настоящего».

Выводы Бенедетто Кроче о том, что история в большей степени ставит проблемы своего времени, чем той эпохи, к которой обращена и которую изучает, находят немало подтверждений³. По словам Марка Ферро, «“Александр Невский” Эйзенштейна и “Андрей Рублев” Тарковского, воскрешая русское средневековье, информируют нас один о сталинской России и ее опасениях, связанных с Германией, другой – об СССР брежневских времен, его стремлении обрести свободу и проблемах в отношениях с Китаем»⁴. Этот ряд можно продолжить и более свежими примерами. Регулярные «исторические экзерсисы» президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана, воскресающие в памяти образы султанов Селима Явуза, Сулеймана Кануни и Абдул-Хамида, говорят о ревизии республиканских принципов Кемаля Ататюрка в сегодняшней Турецкой Республике намного больше, чем об особенностях развития Османской империи⁵. Статьи Владимира Путина о предпосылках Второй мировой войны и единой судьбе русского и украинского народов весьма полезны для понимания представлений руководства России о том, как должна выглядеть идеальная система европейской безопасности и ситуация в ближнем соседстве страны⁶. Деятельность «институтов памяти» ряда государств Центральной и Восточной Европы, давно и прочно секьюритизировавших историю и превративших ее в инструмент укрепления национальной идентичности на антироссийской основе, также преследует актуальные политические цели, а не заботу о сохранении наследия прошлых эпох⁷.

Таким образом, память о прошлом мобилизует политиков и общественных деятелей, экономистов и дипломатов, журналистов и всех неравнодушных граж-

1 Фримен, Э.А. Методы изучения истории. – М.: Академия фундаментальных исследований, 2010.

2 Покровский, М.Н. Общественные науки в СССР за десять лет. Доклад на конференции марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928 г. // Вестник Коммунистической Академии. – 1928. – № 2. С. 3–30.

3 Кроче, Б. Теория и история историографии. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 2–3.

4 Ферро, М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. – М.: Книжный клуб 36.6, 2014. С. 7.

5 “Why Recep Tayyip Erdogan’s Love Affair with the Ottoman Empire Should Worry the World,” TIME, June 18, 2022, accessed September 19, 2022, <https://time.com/5885650/erdogans-ottoman-worry-world/>.

6 Vladimir Putin, “The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II,” The National Interest, June 18, 2022, accessed September 19, 2022, <https://nationalinterest.org/feature/vladimir-putin-real-lessons-75th-anniversary-world-war-ii-162982>; Путин, В.В. Об историческом единстве русских и украинцев // Президент России. 12 июля 2021. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 19.09.2022).

7 Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.

дан. В поиске ответов на кризисы, конфликты, войны и сложные социальные «пертурбации» они пытаются разобраться в истоках, найти первопричины определяющих их жизнь явлений.

Редакционная коллегия «Международной аналитики» приняла решение посвятить третий номер журнала рассмотрению исторического прошлого как одного из важных факторов развития современного мира.

«Образы прошлого в непредсказуемом настоящем». Так озаглавлено интервью Юрия Слёзкина. Маститый историк обозначает несколько принципиально важных тезисов. Прежде всего, он говорит, что «образы прошлого гораздо старше государств», а потому не стоит воспринимать нынешний всплеск политизации исторических знаний как уникальное явление. Он не вполне согласен с утверждением своего коллеги Марка Ферро о том, что две основные функции истории – это «врачевание и борьба». По мнению Слёзкина, история «несравненно богаче», а две вышеупомянутые функции бывает чрезвычайно трудно разделить.

Эссе Александра Филюшкина посвящено объяснению причин того, почему историческое знание сегодня «выступает эффективным инструментом в реформатировании наций и стран, в формировании этических, аксиологических и мотивационных систем в нациестроительстве и национальной деконструкции». С точки зрения автора, объяснить резкое возрастание роли истории только лишь ностальгией и национализмом недостаточно.

Большая часть материалов третьего номера посвящена отдельным страновым и региональным случаям «исторической политики» и «политики памяти». Журнал остается верным себе. Анализ сложных феноменов международной политики мы выстраиваем от общего к частному – чтобы продемонстрировать, что без этих индивидуальных особенностей любая генерализация будет условной и не всегда корректной. Текст Льва Соколышкина, Эдуарда Галимуллина, Анны Бондаренко и Владислава Семенова посвящен исторической памяти США в период действующего президента Джо Байдена. Они полагают, что для Белого дома сегодня конструирование внешнеполитических нарративов с помощью обращения к сюжетам американского прошлого становится одним из ключевых инструментов как для консолидации союзников, так и для выстраивания проактивных действий на мировой арене.

Тому, как обстоят дела на «историческом фронте» у европейских партнеров США, посвящено несколько материалов номера. В статье Артема Соколова и Александра Давыдова разбирается современная дискуссия в ФРГ по вопросам наследия колониальной эпохи. Обычно германская история оказывается в фокусе дебатов о Второй мировой войне и трагедии Холокоста. Авторы предлагают иной угол обзора. Они показывают, что значение африканского направления для внешней политики Германии будет возрастать, а при выстраивании отношений со странами «черного континента» не уйти от переосмысления темных страниц прошлого, особенно колониального.

Любовь Фадеева представляет свое видение политики памяти и идентичности в Европейском союзе. Хотя – исходя из ее выводов – было бы правильнее говорить о совокупности разных политик памяти. Конструирование общей европейской идентичности, несмотря на ощутимое продвижение на этом пути,

по-прежнему сталкивается с рядом вызовов со стороны как национальных государств-членов ЕС, так и наднациональных интеграционных структур «единой Европы».

Текст Максима Сигачева и Сергея Артеева посвящен сложному португальскому опыту постимперских трансформаций. Авторы показывают непростую диалектику разделения и сплочения общества на основе обращения к сюжетам прошлого. Революционный и имперский периоды, правление Антониу ди Салазара, коллизии светских и католических традиций – все это приводит к размежеваниям и объединениям, но не доходит до жестких расколов и противостояний. Авторы дают свое объяснение причин устойчивости «цветущей сложности» по португальски.

Балканы уже не первое десятилетие имеют репутацию «пороховой бочки Европы». И повышенная конфликтность этого региона сопровождается, среди прочего, острыми и крайне эмоциональными дискуссиями об историческом прошлом. В статье Екатерины Энтиной и Душана Прокоповича дается сравнительный анализ распада Югославии в научно-исследовательском и политическом дискурсах России и Сербии. Такая попытка представляется весьма продуктивной, так как процессы распадов СССР и СФРЮ проходили практически синхронно, а многие конфликты, например вокруг Косова, имели место и на постсоветском пространстве.

Наряду с европейскими сюжетами в третьем номере представлены тексты, которые можно суммировать как «азиатский цикл». Вероника Цибенко обращается к рассмотрению конструирования идеологического дискурса о воображаемой географии в Турции. С точки зрения автора, активная внешняя политика сегодняшней Турецкой Республики включает, среди прочего, продвижение концептов «географии-судьбы», «географии-сердца».

В статье Никиты Филина, Владимира Кокликова и Александра Ходунова рассматривается восприятие колониализма и антиколониальной борьбы в Иране. Авторы показывают, как духовные лидеры и политики Исламской Республики обращаются к сюжетам прошлого для легитимации своих действий на Ближнем Востоке (Сирия, противодействие устремлениям Израиля и стран Запада).

Бадма Хубриков обращается к опыту КНР в области «исторической политики». Автор стремится показать особенности китайских трактовок того, что следует сделать приоритетом для конструирования «светлого будущего», какие интерпретации прошлого Пекин стремится сохранить, а какие – переформатировать.

Таким образом, в новом номере мы попытались представить широкий спектр подходов и практик политики памяти. Однако, как бы ни отличались государственные системы КНР, США, Турции, Ирана, Европейского союза, России и Сербии, – все они активно обращаются к событиям прошлого для легитимации и объяснения проблем настоящего. Марка Туллия Цицерона называли автором метафоры истории как «учительницы жизни». Между тем известный древнеримский оратор, скорее, задавался вопросом: «А сама история – свидетельница времен, свет истины, жизнь памяти, учительница жизни, вестница старины?»¹.

1 Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. – М.: Наука, 1972. С. 28.

Думается, ответ на него в полной мере не получен и в наши дни. Но поиски оптимального варианта для определения роли истории в формировании актуальной политики не прекращаются. Значит, наше издание еще не раз обратится к этим сюжетам.

Сергей Маркедонов, главный редактор